

горше полыни и хуже острого ножа. Тамошняя сволочь до того распустилась в своем беспутстве, что добром от них ничего нельзя было добиться; никто ничего не желал делать во имя Божие, шагу никто не мог ступить без непристойной клятвы.

Вот и пали крестьяне духом, собрались всей общиной, посоветались и надумали отправиться в замок, изложить господину свою нужду; сволочь есть сволочь, никак ее не обуздаешь, ежели не дозволить хоть какое-нибудь завалющее проклятие. С таким прошением староста и обратился к господину от имени всей общины. Господин выслушал жалобу и осведомился, какое проклятие им требуется. Староста ответил: «Милостивый господин, просим вашу добродетель дозволить нам выражение не слишком сильное, но и не слишком слабое, чтобы нашу сволочь в страхе держать». – «Ладно, – сказал господин, – если уж вашу сволочь просьбами не проймешь, обмозгуйте дело всем миром и выберите себе проклятие, лишь бы только не касалось оно страстей Господних».

Крестьяне собрались, посоветались, облюбовали чуму и снова отправились перед господские очи. Господин сказал: «Выбрали?» – «Да, – ответил староста, – милостивый господин, мы пришли к вам и просим: ради Бога даруйте нам чуму». – «Идет, – сказал господин, – и французскую болезнь в придачу!» Староста поблагодарил помещика от имени всей общины за щедрый дар, и они вернулись домой с превеликой радостью.

51

КАК СКУПЕРДЯЙ ПОП СДУРУ СТУКНУЛ КУЛАКАМИ ПО КАФЕДРЕ И КРИКНУЛ: «ДЕНЬГИ НА БОЧКУ! БАШМАКИ ПОРВАЛИСЬ!»

Есть в Эльзасе горная деревня, где служил поп, долговязый и тощий, как деревянное изваяние; этот поп отличался робостью; бывало, ни с какой кафедры не заставишь его проповедать Евангелие простому народу. Вот и завел поп такое обыкновение: если во время мессы приходится читать или петь Евангелие, он спускается к прихожанам и говорит по-немецки. А был в той деревушке кабатчик, или целовальник, завзятый шутник; он вечно приставал к попу, требуя читать Евангелие с кафедры, за что сулил ему целый гульден. Этим приставаниям не было конца, и бедняга священник совсем застеснялся.

В одно прекрасное воскресенье попу пришла охота заработать гульден, о чем он и предупредил целовальника, дабы тот потом не отнекивался. Целовальник пришел в церковь с хорошей компанией; они расположились как раз напротив кафедры, чтобы поп смутился и не отважился на нее взойти. Когда он пришел и увидел стоящих, душа ушла у него в пятки, однако он скрепя сердце взошел на кафедру и долго стоял там, онемев, поскольку целовальник со своей компанией не спускал с него глаз. Наконец он все-таки начал читать Евангелие и даже произнес коротенькую проповедь. Потом, прочитав покаяние и отпущение, он стукнул кулаками по кафедре и сказал: «Энгельхард, деньги на бочку! Башмаки порвались!» И каждый мог смекнуть, поднялся ли поп на кафедру ради заблудших овечек или ради гульдена.

Когда поп спустился с кафедры и закончил службу в церкви, целовальник пригласил его со всей честной компанией в кабак, и они порядком напоили попа. Когда он захмелел, его уговорили отдать гульден в уплату за пьянку; так что, ничего не имея до проповеди, он ничего не приобрел и после нее, разве только ушел пьянехонек.

52

КАК НЕКТО ПО ПЬЯНОМУ ДЕЛУ НАХЛОБУЧИЛ НА СВОЕГО КУМА ШЛЯПУ С МОЧОЙ

На вечерних пьянках чудить не возбраняется, особенно когда осушен пятый кувшин и святой Гробьян уже не таится, дерет свои струны прямо у своего корыта, куда созывают свиней во все колокола; тогда уже каши маслом не испортишь: чем паскуднее, тем приятнее, чем пуще, тем слаще. Так оно и произошло на вечерней пьянке с двумя добрыми приятелями, которые были к тому же кумовьями и занимались одним ремеслом; с обоими, признаться, я водился и вожусь до сих пор.

Случилось однажды так, что хоронили собрата по цеху. Как только погребение состоялось, некоторые мастера уговорились отправиться в цеховую залу и как следует выпить, чтобы не поминать покойника лихом. Войдя в залу, они встретили своих, расселись и заказали обильное угощение. Словом, один из двух приятелей быстро набрался и не прочь был выйти из-за стола, чтобы отлить. Кум сидел с ним рядом, и, норовя протиснуться мимо него, наш пьянчужка не скрыл, в чем дело. А тот сказал: «Так вот из-за чего вы встаете? Возьмите мою шляпу и отлейте в нее!»